

***

Чи Юй и его спутники беспрепятственно вошли в поместье князя Ци. Слуги проводили их вглубь дома, к самому саду. Там, среди грядок, они застали Ци Юаня: бывший император был занят тем, что усердно поливал молодую рассаду, не замечая незваных гостей. Цинь Су, предпочтя остаться неузнанным, сразу же отступил в тень, скрывшись за густой зеленью кустарника.

Чи Юй жестом велел слуге молчать и некоторое время просто стоял, наблюдая за человеком, который когда-то обладал безграничной властью. Тот, кто прежде блистал горделивым величием и амбициями, теперь предстал в простом холщовом рубище. В чертах его лица, прежде исполненных отваги, теперь читалась лишь болезненная блеклость и затаенная угрюмость.

Чи Юй смотрел со стороны, как Ци Юань, тяжело дыша, ковыляет по саду с громоздкой лейкой. Его серовато-зеленые одежды подчеркивали нездоровый цвет лица, а он всё еще был полон подавленной ярости. Дойдя до края грядки, он остановился, чтобы перевести дух, и, подняв голову, наткнулся на пристальный взгляд Чи Юя.

— Зачем ты явился? — Ци Юань с размаху бросил лейку на землю.

Его голос, долетевший через сад, прозвучал глухо и отстраненно. Чи Юй, хоть и расслышал каждое слово, не сразу нашел, что ответить.

Они познакомились, когда Чи Юю было всего шесть. Вместе учились, вместе проказничали, вместе сносили побои палками за общие грехи и делили скупые похвалы наставников. «Однажды я объединю под своей рукой все земли, — говорил тогда этот пылкий юноша. — И ты, А-Юй, должен мне в этом помочь».

Земли в итоге были объединены. Вот только император, которому теперь служил Чи Юй, был совсем другим человеком.

— Надеюсь, вы в добром здравии, князь, — после долгого молчания Чи Юй выдавил из себя единственную вежливую фразу.

В этих простых словах приветствия утонуло всё: и юношеские мечты, и жгучая ненависть тех дней, когда под корень вырезали его род, и та невыносимая горечь, что он испытал в миг падения столицы.

— Твоими молитвами, — Ци Юань вызывающе вскинул подбородок.

Чи Юй огляделся по сторонам. Слуги, повинувшись безмолвному приказу, уже скрылись. Оставшись наедине с бывшим господином, он вновь взглянул ему в глаза. Терпения ему было

не занимать, и Ци Юань это прекрасно знал. Не выдержав затянувшейся паузы, он первым сорвался на горькую усмешку:

— Сначала великий полководец, теперь — императрица... — в его голосе сквозила ядовитая желчь. — Цинь Су два месяца берег для тебя место, пока ты был в беспамятстве. Какая честь! И чего же столь важная особа хочет от меня теперь?

Он говорил внешне спокойно, но каждое слово было пропитано глубокой, застарелой обидой.

— Почему вы меня ненавидите? — искренне недоумевая, спросил Чи Юй.

Чи Юй полагал, что «старый хозяин» должен испытывать скорее разочарование или презрение к предавшему его слуге. И хотя они когда-то были близки, Чи Юй не считал себя настолько значимой фигурой. В конце концов, во время захвата Ци на сторону врага переметнулось множество сановников, включая уважаемых старцев, но ни к кому из них князь не питал такой яростной неприязни.

Однако этот простой вопрос стал той самой искрой, что взорвала пороховой погреб в душе Ци Юаня.

— Ты полагаешь, у меня нет причин?! — прошипел он.

Чи Юй вздохнул:

— Мне было шесть, когда я стал твоим соучеником. Я обещал защищать твою империю ценой собственной жизни.

— Разве это не достаточный повод?

— Но я действительно ее защищал! Мой отец десятилетиями хранил рубежи этого государства, а в итоге на закате лет лишился чести и жизни. Моя сестра... она ведь была твоей женой и носила твоего ребенка, не так ли? Она погибла вместе с ним.

Чи Юй говорил ровно: он чувствовал, что больше ничего не должен этому человеку.

Ци Юань лишь расхохотался — сухо и зло:

— Не строй из себя жертву. Право защищать земли вашего рода было лишь милостью моего отца, и он же его забрал. Что до твоей сестры... она и сама сгубила в своем чреве не одного младенца, борясь за власть в гареме. Колесо судьбы просто сделало оборот. А ты... я ведь помнил о нашей дружбе и молил отца пощадить тебя, не зная, что выпускаю тигра в горы. Теперь я вижу — обвинение в измене было чистой правдой.

Чи Юй нахмурился.

— Что еще? — коротко бросил он.

— Что «что еще»? — Ци Юань не сразу понял его спокойствие.

— Вы редко бываете столь мелочно-коварны в словах, — задумчиво произнес Чи Юй. — Должна быть иная причина вашей злобы. И если не скажете сейчас, другого шанса может не представиться. Да, я действительно ненавижу вас. С вашей точки зрения вы, возможно, были правы, но с моей — вы совершили преступление, и моя совесть чиста. А ваша?

Он в упор посмотрел на князя. Этот пронзительный взгляд обжег Ци Юаня. Тот попытался подавить эмоции, но слова уже сорвались с губ, бесконтрольно и отчаянно:

— Ты... ты меня ненавидишь?

— А разве у меня нет на это права? — Чи Юй парировал его же словами.

Ци Юань побледнел, он тяжело дышал.

— Ненавидишь?.. Но за что? Я ведь... я ведь так любил тебя!

Чи Юй застыл, словно громом пораженный.

— Вы... любили меня? — переспросил он с явным потрясением.

Ци Юань, осознав, что только что выдал свою самую сокровенную тайну, инстинктивно дернулся, словно от удара, и замотал седой головой:

— Нет. Нет, не любил!

— Значит, всё-таки любили, — Чи Юй вдруг всё понял. В его взгляде появилось нечто вроде просветления. — Теперь ясно. Вот оно что...

Этот всепонимающий взгляд ранил князя сильнее любой пули. Ци Юаню показалось, что все его постыдные мысли выставили напоказ под палящее солнце, сделав посмешищем для всего мира.

В его памяти Чи Юй никогда не был таким — мягким снаружи, но непоколебимо твердым внутри. Он помнил застенчивого ребенка, который со временем превратился в статного юношу с открытым лицом. Выбор Чи Сюань в жены был предопределен, и Ци Юань часто

всматривался в нее, гадая, какой будет его жизнь. Он невольно сравнивал ее с братом и находил, что А-Юй кажется ему красивее, благороднее и ближе.

Когда Чи Юй отправился на войну, Ци Юань сходил с ума от тревоги. «А-Юй, ты должен вернуться невредимым», — молил он его на прощальном пиру. В глазах юноши тогда светилась лишь преданность вассала, и сердце князя тяжелело от невысказанных слов.

А потом... потом он выплескивал свою досаду на Чи Сюань. Он приближал к себе наложниц, защищал их, провоцировал жену на вспышки ревности, а затем холодно упрекал ее, наблюдая, как эта яркая женщина гаснет день за днем. Она не была Чи Юем — ей не хватало той самой искры.

Когда Чи Юй вернулся с победой, Ци Юань даже не успел порадоваться за него — его отец уже подписал смертный приговор всему роду Чи. Он бросился к императору, пытаясь спасти хотя бы А-Юя.

«О, это даже к лучшему, — сказал тогда его отец. — Раз он твой верный пес, такая милость лишь укрепит его преданность. Или ты хочешь большего? Что же, отдай его в "Терем Запечатанного Процветания", утоли свою жажду».

Ци Юань тогда содрогнулся. Он никогда не хотел видеть Чи Юя в роли бесправной игрушки. Но глубоко внутри, в самых темных уголках души, предательски шевельнулась радость от возможности обладать им.

Он не успел. Чи Юя забрали люди Цинь Су, заложника из Юэ. Тогда Ци Юань впервые по-настоящему заметил этого тихого, но блестящего человека, чье величие он по глупости просмотрел. Он потерял народ, потерял империю и, наконец, потерял того, кого любил.

Тот юноша, что когда-то робко следовал за ним тенью, изменился. Он стал воином, мудрым человеком, от которого Ци Юань больше не мог отвести глаз. Но признать это — значило признать собственное ничтожество.

— Да, я действительно люблю тебя, — Ци Юань наконец выдохнул, и вместе с этим вздохом из него словно вышла вся жизнь. Он криво усмехнулся: — Но что тебе с того? Я ненавижу тебя за то, что люблю. У тебя ведь нет способа заставить меня разлюбить, не так ли? А значит, я продолжу тебя ненавидеть.

Он гордо вскинул голову, в этот миг вновь став похожим на того заносчивого наследного принца из воспоминаний Чи Юя.

— Я лишь хотел понять причину, — Чи Юй пожал плечами. Он бросил быстрый взгляд на Ци Юаня, затем обернулся к тени деревьев и добавил: — Теперь, когда я знаю её, мне стало гораздо спокойнее.

— Ты думаешь, так легко сбросить со счетов чужую любовь? — холодно возразил князь.

Каждый раз, думая о Чи Сюань, о её пути от сияющей радости к беспросветному отчаянию, он видел в этом отражение своего пути с её братом. Он не хотел, чтобы Чи Юй просто забыл о нём. Ему нужно было, чтобы А-Юй нес это бремя.

Чи Юй на мгновение задумался, разгадав его замысел. На миг ему стало жаль Ци Юаня, но жалость быстро сменилась равнодушием. Будь у него память только этой жизни, он, возможно, почувствовал бы вину. Но современное сознание говорило об ином: в его мире он был популярен, его многие любили.

«Если пытаться угодить каждому, кто в тебя влюблен, от тебя ничего не останется. Любовь — это личное дело того, кто любит. Это твой выбор — любить меня. И если ты решишь разлюбить, мне нечего будет сказать. Я принимаю твое чувство не потому, что оно меня обязывает, а только если оно взаимно».

Он хотел сказать это вслух, подыскивая нужные слова, но Ци Юань перебил его:

— Ты должен быть моим должником до конца своих дней.

В этот момент из тени раздался низкий, властный голос:

— Он тебе ничего не должен. И не будет должен.

Оба вздрогнули. Цинь Су вышел на свет, чеканя каждый шаг.

— Как говорят в народе: «Вышедшая замуж жена принадлежит дому мужа». Пусть Чи Юй и не женщина, но он — моя императрица. Он — мой человек. И помогать бывшему господину он не обязан. По закону к его имени теперь можно добавить фамилию Цинь. Разве мы не ближе с ним теперь, чем вы когда-либо были?

Цинь Су остановился прямо перед побледневшим Ци Юанем и ледяным тоном добавил:

— Что скажете на это, князь Ци?

<http://bllate.org/book/17538/1700826>